

Этого было мало. Син Янь склонился ниже, едва ощутимо коснувшись губами обнаженного плеча Цинь Фана. Затем их взгляды встретились — расстояние между глазами не превышало десяти сантиметров, они словно делили на двоих одно дыхание и один ритм сердца. Син Янь негромко проговорил:

— С днем рождения... спасибо атому, из которого ты состоишь.

Ту фразу за обеденным столом Цинь Фан еще кое-как мог списать на шутку, вызванную атмосферой момента, пусть даже взгляд у Син Яня был тогда подозрительно серьезным. Но сейчас... тяжесть сердца, которое он держал в руках, эти ошеломляющие, сбивающие с толку слова и этот... поцелуй, упавший на плечо. Все это дало Цинь Фану понять: это правда.

Внезапно. Совершенно не готовый к такому, он никогда не думал об этом в подобном ключе.

Цинь Фан опустил глаза на минерал в своей ладони, похожий на кусочек звездного неба, и позвал:

— Брат Янь.

— М-м? — отозвался Син Янь.

Произнеся это имя, Цинь Фан умолк. Он действительно не знал, что сказать. В голове — пустота, а грудную клетку распирает от возбуждения, сердце колотится так бешено, будто живет своей собственной жизнью, отдельно от разума.

— Ничего не говори, — Син Янь, заметив его замешательство, произнес мягко.

Син Янь, только что стоявший у кровати, потрепал Цинь Фана по голове, наклонился, заглянул в лицо и слегка усмехнулся:

— Ошарашен?

— Еще бы. Кто бы не был, — Цинь Фан согнутым пальцем потер кончик носа. — Взрыв мозга.

— Не теряйся, я не жду ответа прямо сейчас, — Син Янь надавил ему на макушку, слегка покачивая голову, и сказал тем самым естественным, полушутливым тоном: — Просто хотел сделать тебе подарок, об остальном поговорим позже.

— Спасибо, брат Янь, — Цинь Фан глубоко вдохнул, а затем самокритично усмехнулся: — На самом деле... я даже не знаю, происходит ли это наяву, или я просто перепил и вижу сон.

— Во сне есть я? — рассмеялся Син Янь. — Тогда, будь это явь или сон, ты в большой опасности, юноша.

Цинь Фан не стал спорить. Кивнул и тоже улыбнулся:

— Принимаю.

И правда, в большой опасности. Если все это взаправду, значит, Цинь Фан уже ступил под прицел охотника. Его «брат» признался ему в чувствах — и как признался! — к тому же, этот «брат» до чертиков харизматичен и хорош собой. Если же это лишь сон, то Цинь Фан должен отдать должное глубине собственного подсознания: для убежденного натурала такое

привидеться не могло.

Поэтому, проснувшись на следующее утро, первым делом Цинь Фан потянулся к изголовью, проверяя, на месте ли камень.

Цинь Фан снова закрыл глаза — на месте. Значит, все правда.

Син Янь вчера не остался ночевать в этой комнате, боясь, что Цинь Фан не сможет уснуть. Когда тот вышел, приведя себя в порядок, Син Янь уже позавтракал и играл в бильярд с Хуа Туном.

— Проснулся? — первым поздоровался Хуа Тун.

— Ничего себе вы рано, — ответил Цинь Фан. Сказав это, он нечаянно столкнулся взглядом с Син Янем и поспешно отвел глаза, но тут же устыдился этой нарочитости и снова посмотрел на него.

Син Янь смотрел в ответ с непроницаемым лицом. Цинь Фану показалось, что он слишком резко отвел взгляд, поэтому он улыбнулся:

— Доброе утро, брат Янь.

— Доброе, — ответил тот. — Как спалось?

Самый обычный вопрос в ушах Цинь Фана прозвучал как-то... двусмысленно. После событий вчерашнего вечера от этих слов по лицу разлился жар.

— Отлично, — отозвался он, стараясь держаться как ни в чем не бывало, перекинулся парой фраз с остальными и спустился вниз перекусить.

Праздники еще не закончились, они могли бы задержаться здесь еще на день-два. Но на душе у Цинь Фана был такой раздрай, что оставаться стало невыносимо, и после обеда он вернулся в университет.

Хуа Тун в университет не собирался — уехал домой на попутной машине. В салоне остались только Цинь Фан и Син Янь.

Атмосфера отличалась от той, что была по пути сюда. Раньше, молчали они или разговаривали — всё казалось естественным, не нужно было ломать голову над скрытым смыслом. Два хороших друга, почти братья.

Теперь все было с точностью до наоборот. В молчании ли, в словах — в воздухе разливалась неловкость. Цинь Фан не хотел такого положения вещей, поэтому постоянно пытался завязать разговор, чтобы все выглядело как раньше.

Мастер светских бесед Цинь Фан в этот день пасовал перед Син Янем: темы не находились, а если и находились — он не знал, как общаться естественно.

— Тебе неприятно? — после долгого молчания внезапно спросил Син Янь.

Цинь Фан почти сразу понял, о чем речь. Прочистил горло и покачал головой:

— Да с чего бы... нет.

— Хорошо. Если что-то есть на уме, можешь говорить мне прямо, — Син Янь смотрел на дорогу.
— О чем угодно.

Син Янь давал ему понять: если он не готов, можно так и сказать. Цинь Фан понял. Он лишь слегка нахмурился, не зная, как выразить свои чувства, к тому же мысли до сих пор не выстроились в ряд, и говорить о чем-то конкретном он пока не хотел.

— Брат Янь, — Цинь Фан облизал пересохшие губы, подбирая слова. — Раньше... я правда никогда об этом не думал. Совсем.

Говорить об этом было неловко, все внутри протестовало. Для натурала признаваться брату в таких вещах было сродни удушью. Цинь Фан глубоко вдохнул и продолжил:

— Понимаешь... насчет любви и всякого такого... я всегда ориентировался на девушек.

— М-м, — Син Янь кивнул, призывая продолжать.

— К тому же мы так близки, — горько усмехнулся Цинь Фан. — Я не могу так быстро переключиться. Сейчас я чувствую себя ужасно неловко, как будто все вокруг перевернулось с ног на голову.

Цинь Фан замолчал, и Син Янь понял его без лишних слов.

— Хорошо, — сказал он.

— Я хочу, чтобы мы остались прежними, — Цинь Фан припарковал машину у общежития Син Яня, но не заглушил мотор. — Если из-за этого я потеряю друга, мне будет невероятно жаль.

Перед тем как выйти, Син Янь улыбнулся ему. Цинь Фан закусил губу. Син Янь протянул руку и снова потрепал его по голове. Улыбающийся брат Янь был чертовски хорош собой.

Цинь Фан запер это в своей душе и никому не сказал ни слова — даже Хуа Туну, язык не повернулся. Да и как об этом расскажешь? Невозможно, да и не хочется. В конечном счете, это их с Син Янем личное дело.

При мысли о Хуа Туне в душе Цинь Фана вспыхнуло раздражение. Еще и он, черт возьми, подливает масла в огонь, придурок этакий.

Хуа Тун, не подозревая о произошедшем, продолжал вести себя по-дурацки:

— Эй, почему ты снова ко мне пристал? Где твой брат Янь?

— Заткнись, — нахмурился Цинь Фан. — Ты разве не сам меня позвал?

— Сам, но раньше ты был вечно занят, — Хуа Тун потягивал сок, со свистом пропуская жидкость через трубочку. — Новая пассия бросила? Вспомнил о старом друге?

Цинь Фан схватил коробку с салфетками и швырнул в него.

— Ты можешь помолчать?!

Слова Хуа Туна попали в самое больное место. С того самого дня Цинь Фан не видел Син Яня — прошло уже полмесяца.

При мысли об этом его охватывала досада. Он не знал, как быть. Пару раз писал Син Яню, но тот отвечал сухо, и диалог не клеился. Звал его поехать — Син Янь ссылаясь на занятость в лаборатории и отказывался.

Каждая попытка заканчивалась одинаково, а сам Син Янь первым никогда не звонил. Полмесяца без единого звонка от брата — их отношения из фазы «взаимного тепла» резко перешли в фазу «глубокой заморозки».

Эта перемена не могла не огорчать. Как бы ни был запутан Цинь Фан, его слова были искренними: он действительно дорожил Син Янем, и как другом, и как братом. Ему было нелегко смириться с нынешним положением дел, но выхода он не видел.

Дело было не в капризах. Это была атака на систему ценностей, которую он выстраивал двадцать с лишним лет. На самом деле, раньше к нему уже клеились парни — в старших классах один настойчиво пытался добиться его внимания. Тогда Цинь Фан был решителен: отрезал сразу, с обезоруживающей прямоотой сказав: «Слушай, не трать время. Я натурал, и даже если ты будешь за мной ходить, ничего не выйдет».

В те времена между «натуралом» и «геем» для него стояла непробиваемая стена. То, что происходит по разные стороны, казалось невозможным изменить одними усилиями — это были два совершенно разных мира.

Но когда дело коснулось Син Яня, Цинь Фан растерялся. Слишком сложные чувства, никакой возможности отказать так же легко и категорично, слишком много «но». К тому же, другие мысли постоянно тянули в разные стороны, путаясь в мозгу, как клубок ниток.

Несмотря на то что их отношения охладели, старые привычки, оставшиеся со времен их близости, никуда не делись. Иногда он даже не успевал осознать, что делает, как сообщение уже было отправлено.

<http://bllate.org/book/18141/1744619>